

НАТАЛИЯ МАЗУР, НИКИТА ОХОТИН

«Зачем кусать нам грудь кормилицы нашей?..»

комментарий

к одной пушкинской фразе

Несмотря на едва ли не хрестоматийную известность, пушкинское выражение из письма К.Ф. Рылееву от 25 января 1825 года «*Зачем кусать нам грудь кормилицы нашей? потому что зубки прорезались?*» (XIII, 135¹) до сих пор не получило необходимого комментария. Единственная попытка выяснить его происхождение принадлежит В.В. Виноградову, назвавшему этот оборот дантовским². Однако ученый не дал точной ссылки на Данте, процитировав итальянский источник по «Письму из Рима к издателю „Литературной газеты“» С.П. Шевырева (1830):

Твои питомцы

Oggi le poppe

Mordono ingrati della lor nudrice!

ныне, неблагодарные, кусают персы своей кормилицы³.

Указание Виноградова не нашло подтверждения: А.О. Демин, суммируя перекички между Пушкиным и Данте, сообщил, что в «Божественной комедии» этих стихов не обнаружил⁴. Справедливости ради заметим, что хотя в поэме таких стихов действительно нет, однако в тридцатой песни «Рая» есть похожий образ: «*La cieca cupidigia che v'amalia / Simili fatti v'ha al fantolino / Che muor per fame e caccia via la balia*»⁵, который, впрочем, гораздо дальше отстоит от пушкинской фразы, чем ошибочно приписанная Данте цитата из шевыревской статьи.

Шевырев писал о выставке французской живописи в Риме и о восторженном отклике на нее в *Journal de Commerce*, где французская художественная школа ставилась много выше итальянской. Интересующие нас строчки он заимствовал из полемической статьи местного журналиста, напоминавшего об историческом первенстве итальянского искусства. Русский путешественник не знал или не счел нужным сообщить, что понравившиеся ему стихи входят в поэму Ипполита Пиндемонте «*I Viaggi*» («Путешествия», 1793) и обращены к тем итальянцам

«ЗАЧЕМ КУСАТЬ НАМ ГРУДИ КОРМИЛИЦЫ НАШЕЙ?..»

итальянцам, которые восхищаются всем иностранным и бранят родину, не желая видеть, что все лучшее в чужих краях принадлежит их отечеству:

...Ordini, e leggi ammira,
Scuole ammira, e accademie, e tutto nuovo
Gli sembra, e spesso la sua Italia accusa,
Che di ciò, ch'egli loda, ha in sè gran parte,
E quelli ammaestrò, chi oggi le poppe
Mordono ingrati della lor nutrice⁶.

У Пиндемонте выражение «кусать груди кормилицы» употребляется в том же значении, что и у Пушкина, пенявшего издателем «Полярной звезды» за «строгий приговор о Жуковском»: «*неблагодарность учеников к учителям*». Соблазн возвести пушкинский оборот к Пиндемонте тем более велик, что Пушкин, несомненно, знал поэму «I Viaggi» — именно из нее выписаны пять строк для эпиграфа к «Кавказскому пленнику» («*Oh felice chi mai non pose il piede...*» [IV, 353, 475]); в окончательную редакцию эпиграф не вошел). Однако Пушкин самих «Путешествий», скорее всего, не читал, а для выписки воспользовался цитатой из поэмы, приведенной (с переводом) в книге Ж.-Ш.-Л. де Сисмонди «О литературе Южной Европы»⁷, по которой он в начале 1820-х годов составил общее представление об итальянской словесности и, в частности, о Пиндемонте и Данте⁸. Между тем интересующие нас строки у Сисмонди не приводятся, а значит, вероятность того, что в 1825 году они были известны Пушкину, крайне невелика. Скорее всего, сходство формулировок у итальянского и русского поэтов следует объяснять наличием какого-то общего источника.

Ребенок, причиняющий боль своей кормилице, бьющий или кусающий ее, проявляя жестокость и/или неблагодарность, — образ, распространенный довольно широко. Мы встречаем его прежде всего в жизнеописаниях персон, отличавшихся во взрослом состоянии аномальным поведением (злодейством, вероломством, неблагодарностью и т.п.): терзал грудь кормилицы легендарный Роберт Дьявол⁹; укусы будущего короля Англии Вильгельма III Оранского, по словам пристрастного Лабрюйера, довели его кормилицу до смерти¹⁰; не по-младенчески зубаст был будущий Людовик XIV¹¹; бил кормилицу неистовый гонитель Бурбонов — граф де Мирабо¹².

В фигуральном смысле этот образ нередко употреблялся в пессимистических описаниях человеческой природы:

Vilaines gens que nous sommes! comme nous sommes nés méchants et cruels! L'enfant qui est au monde depuis quelques semaines, bat sa nourrice! [Низок род человеческий! Мы

рождаемся на свет злыми и жестокими: младенец нескольких недель от роду бьет свою кормилицу]¹³.

L'histoire de l'univers est celle des crimes et des désastres du genre humain <...> L'homme est presque toujours un enfant qui bat sa nourrice, ou un furieux qui calomnie son bienfaiteur [Мировая история состоит из преступлений и падений рода человеческого. <...> Человек почти всегда подобен ребенку, который бьет свою кормилицу, или безумцу, который клеветает на своего благодетеля]¹⁴.

Применялся этот образ и для иллюстрации «падения нравов» в том или ином сообществе. Так, в шекспировской «Мере за меру» герцог сетует, что

...Now, as fond fathers,
Having bound up the threat'ning twigs of birch,
Only to stick it in their children's sight
For terror, not to use, in time the rod
Becomes more mock'd than fear'd; so our decrees,
Dead to infliction, to themselves are dead,
And liberty plucks justice by the nose;
The baby beats the nurse¹⁵, and quite athwart
Goes all decorum¹⁶.

Как признак нарушения правильного порядка вещей это сравнение часто использовалось в политической публицистике:

Qu'est-ce qu'une guerre civile? C'est l'enfant qui bat sa nourrice [Что такое гражданская война? Это ребенок, который бьет свою кормилицу]¹⁷.

LABOUREUR. Le gouvernement qui l'opprime, ou l'insolent qui le mèprise, ressemblent à l'enfant qui bat sa nourrice [ТРУЖЕНИК. Правительство, которое его угнетает, или наглец, который его презирает, подобны ребенку, который бьет свою кормилицу]¹⁸.

И.А. Крылов ввел подобный мотив в сатиру на злонравие дворян: герой ее Звениголов

еще не знал, что он такое, но уже благородная его душа чувствовала выгоды своего рождения, и он на втором году начал царапать глаза и кусать уши своей кормилице. «В этом ребенке будет путь, — сказал некогда, восхищаясь, его отец, — он еще не знает толком приказать, но учится уже наказывать: можно отгадать, что он благородной крови». И старик сей часто плакал от радости, когда видел, с какою благородною осанкою отродье его щипало свою кормилицу или слуг; не проходило ни одного дня, чтобы маленький наш герой кого-нибудь не оцарапал¹⁹.

Применительно

«ЗАЧЕМ КУСАТЬ НАМ ГРУДИ КОРМИЛИЦЫ НАШЕЙ?..»

Применительно к литературным нравам образ ребенка, причиняющего боль кормилице, был едва ли не впервые использован в «Характерах» Лабрюйера, где об авторской неблагодарности говорится:

On se nourrit des anciens et des habiles modernes, on les presse, on en tire le plus que l'on peut, on en renfle ses ouvrages; et quand enfin l'on est auteur, et que l'on croit marcher tout seul, on s'élève contre eux, on les maltraite, semblable à ces enfants drus et forts d'un bon lait qu'ils ont sucé, qui battent leur nourrice [Мы питаемся тем, что нам дают писатели древности и лучшие из новых, выжимаем и вытягиваем из них все, что можем, насыщая этими соками наши собственные произведения; потом, выпустив их в свет и решив, что теперь-то мы уже научились ходить без чужой помощи, мы встаем против наших учителей и дурно обходимся с ними, уподобляясь младенцам, которые бьют своих кормилиц, окрепнув и набравшись сил на их отличном молоке]²⁰.

Возможно, на эту максиму Лабрюйера опирался Вольтер в своем знаменитом памфлете «Речь к Велхам» («Discours aux Welches»), напечатанном в 1764 году под псевдонимом Антуана Ваде. Интересующий нас образ появляется в первом же абзаце этой речи:

O Welches, mes compatriotes! si vous êtes supérieurs aux anciens Grecs et aux anciens Romains, ne mordez jamais le sein de vos nourrices, n'insultez jamais à vos maîtres, soyez modestes dans vos triomphes; voyez qui vous êtes et d'où vous venez [О Велхи, мои соотечественники! Если вы и превосходите древних греков и древних римлян, никогда не кусайте грудь кормилиц ваших, не оскорбляйте ваших учителей, будьте скромны в ваших триумфах, помните, кто вы и кем вы были]²¹.

В «Речи к Велхам» Вольтер ядовито высмеивал национальное тщеславие своих компатриотов²², напоминая им о том, в какой дикости пребывали их предки-велхи во времена римского завоевания, в какой нищете и невежестве и по сей день живет большая часть этой нации, как невелик вклад французов в движение прогресса и наук. Основной мишенью для убийственной иронии Вольтера была гордость французов их языком и словесностью: «фернейский злой крикун» напоминал соотечественникам о том, что их язык обязан своим распространением эмигрантам-гугенотам, а дарования новых авторов редко достигают величия древних. Упиваясь собственным величием и пренебрегая классическим наследием, французы вот-вот впадут в варварство и снова станут велхами.

«Речь к Велхам», вызвавшая бурную реакцию во Франции²³, имела и общеевропейский резонанс. Судя по всему, именно к ней апеллировал Пиндемонте, когда сравнивал итальянских любителей всего иностранного с младенцем, кусающим грудь кормилицы: забывая об античных корнях европейской цивилизации, их потомки, прямые наследники Рима, уподобляются северным варварам-велхам.

Помнили памфлет и в России²⁴. В кругу старших современников Пушкина с самодовольными невеждами-велхами сравнивали энтузиастов национальной самобытности — деятелей «Беседы в обществе любителей русского слова», после организации которой К.Н. Батюшков писал Н.И. Гнедичу (апрель 1818 года):

Я читал объявление о Беседе в газетах, читал ее регламент и теперь еще болен от этого чтения. Боже, что за люди! Какое время! О Велхи! О Варяги-Славяне! О скоты! Ни писать, ни мыслить не умеют! А ты еще хвалишься петербургским рвением к словесности! Мода, любезный друг, минутный вкус! И тем хуже, что принимают так горячо. Тем скорее исчезнет жар, поверь мне: мы еще все такие невежды, такие варвары!²⁵

Примерно в это же время Д.В. Дашков, опираясь на Вольтера, придумывает пародийную параллель к излюбленному термину А.С. Шишкова «славенороссийский <язык>» — «латиновельхофранцузский»²⁶.

Актуальность вольтеровского памфлета для писателей «арзамасского» круга дает дополнительные основания считать, что источником пушкинской формулы была именно «Речь к Велхам». Более того, можно предположить, что Пушкин, повторяя и дополняя вольтеровскую остроту, не только воспользовался ее моралистическим потенциалом, но и вложил в нее скрытые смыслы, апеллирующие к вольтеровскому подтексту²⁷.

Напомним контекст остроты в письме Рылееву:

Бест.<ужев> пишет мне много об Онегине — скажи ему, что он не прав: ужели хочет он изгнать всё легкое и веселое из области поэзии? куда же денутся сатиры и комедии? следственно должно будет уничтожить и Orlando furioso, и Гудибраса, и Rucelle, и Вер-Вера, и Ренике-фукс, и лучшую часть Душеньки, и сказки Лафонтена, и басни Крылова etc. etc. etc. etc. Это немного строго. Картины светской жизни также входят в область поэзии, но довольно об Онегине. Согласен с Бестужевым во мнении о критической [его] статье Плетнева — но не совсем соглашаюсь [в] с строгим приговором о Жук<овском>. Зачем кусать нам груди кормилицы нашей? потому что зубки прорезались? Что ни говори, Ж<уковский> имел решительное влияние на дух нашей словесности; к тому же переводный слог его останется всегда образцовым. Ох! уж эта мне республика словесности. За что казнит, за что венчает? (XIII, 134–135)²⁸.

Хотя бестужевское письмо до нас не дошло, можно с уверенностью предположить, что рассуждения критика развивались в рамках дидактической парадигмы, согласно которой главной целью литературы является моральное и гражданское совершенствование читателей. Вероятнее всего, Пушкин слегка утрировал аргументы своего оппонента:

едва ли

«ЗАЧЕМ КУСАТЬ НАМ ГРУДИ КОРМИЛИЦЫ НАШЕЙ?..»

едва ли Бестужев действительно собирался изгнать из поэзии шуточные предметы, однако в своих статьях и письмах он выстраивал такую иерархию поэтических творений, которая основывалась на возвышенности и важности избранного предмета²⁹, и тем самым принижал «всё легкое и веселое». В самом письме Пушкин лишь намеком выразил иронию, которую вызывали у него подобные эстетические принципы, спрятав острые насмешки в подтекст: изображение Бестужева в образе строгого судии, который вершит литературные приговоры, изгоняя, казня и венчая³⁰, подозрительно напоминает вольтеровское описание новой литературной тенденции, распространение которой и заставило его взяться за перо:

Vous êtes menacés d'un autre fléau. J'apprends qu'il s'élève parmi vous une secte de gens durs qui se disent solides, d'esprits sombres qui prétendent au jugement parce qu'ils sont dépourvus d'imagination, d'hommes lettrés ennemis des lettres, qui veulent proscrire la belle antiquité et la fable. Gardez-vous bien de les croire, ô Français! vous redeviendriez Welches [Угрожает вам иное бедствие. Я узнал, что возвышается между вами секта людей суровых, называющих себя основательными; мрачные умы, которые претендуют на право выносить приговоры потому только, что у них нет воображения; литераторы, враждебные литературе, которые хотят изгнать из нее прекрасную античность и выдумку. Берегитесь, французы! Если вы поверите им, то снова станете велхами]³¹.

Полную волю иронии Пушкин дал в письме к брату Льву (14 марта 1825 года), где, по-видимому, обыгран этот же фрагмент «Речи к Велхам»:

У вас ересь. Говорят, что в стихах — стихи не главное. Что же главное? проза? должно заранее истребить это гонением, кнутом, кольями, песнями на голос *Один сюжету во компании* и тому под. (XIII, 152)³².

Пушкин прибегнул здесь к тому же аргументу *ad absurdum*, что и в письме Рылееву. Издатели «Полярной звезды» не считали, что в стихах главное — проза, хотя и утверждали, что сила поэзии не в формальной ее стороне³³, а в содержательной, — позиция, которую они последовательно защищали и в переписке с Пушкиным, и в печатных выступлениях. Более того, в своей первой программной статье «Взгляд на старую и новую словесность в России» Бестужев не обинуясь поставил прозу выше поэзии:

...бросим взор на степь русской прозы. Назвав Жуковского и Батюшкова, которые писали столь же мало, сколь прелестно, невольно останавливаешься, дивясь безлюдью сей стороны, — что доказывает младенчество просвещения. Гремущка за-

нимает детей прежде циркуля: стихи, как лесья слуху, сносны даже самые посредственные; но слог прозы требует не только знания грамматики языка, но и грамматики разума <...>. От сего-то у нас такое множество стихотворцев (не говорю — поэтов) и почти вовсе нет прозаиков, и как первых можно укорить бледностью мыслей, так последних погрешностями противу языка³⁴.

Наряду с антипоэтическим выступлением молодого прозаика, которое не могло не позабавить Пушкина наивным самохвальством (а может быть, и напомнить ему блистательную защиту превосходства поэзии над прозой в «Речи к Велхам»³⁵), обратим внимание на метафору ‘младенчества/детства’, которую Бестужев применил для характеристики русской литературы. Антропоморфная метафорика нередко употребляется в описаниях стадийного развития, однако Бестужев использовал мотив *младенчества* особенно настойчиво, превращая его в один из тех развернутых и причудливых образов, которые впоследствии назовут «марлинизмами». Во «Взгляде на русскую словесность в течение 1823 года» с младенцем сравнивался язык русской литературы:

...русский язык, подобно германскому в XVIII веке, возвышается ныне, несмотря на неблагоприятные обстоятельства. Теперь ученики пишут таким слогом, которого самые гении сперва редко добывали, и, теряя в численности творений, мы играем в чистоте слога. Один недостаток — у нас мало творческих мыслей. Язык наш можно уподобить прекрасному усыпленному младенцу: он лепечет сквозь сон гармонические звуки или стонет о чем-то, но луч мысли редко блуждает по его лицу. Это младенец, говорю я, но младенец Алкид, который в колыбели еще удушал змей! И вечно ли спать ему?³⁶

Проснуться и выйти из младенчества русскому языку, по мнению критика, мешали «страсть к галлицизмам» и «совершенное охлаждение лучшей части общества к родному языку и поэтам». Одновременно образ младенца Геракла подразумевал идею исключительности русского языка, которому для полного развития недостает только оригинальных и высоких мыслей.

Пушкинская шутка про неблагодарных младенцев встраивается в этот же метафорический ряд, но благодаря вольтеровскому подтексту любимый образ критика превращается в «тroyанского коня». Вольтер тоже уподоблял своих соотечественников детям и дикарям³⁷, но логика его уничижительного сравнения была обратна бестужевской: младенцами, кусающими грудь кормилицы, и велхами французов сделала излишняя гордость своей культурой и пренебрежение к чужим, то есть именно те черты национального менталитета, в которых Бестужев усматривал для России пути к «взрослению».

Мы не можем

«ЗАЧЕМ КУСАТЬ НАМ ГРУДИ КОРМИЛИЦЫ НАШЕЙ? »

Мы не можем с уверенностью полагать, что критик опознал источник пушкинской остроты и понял все ее импликации³⁸. Показательно, однако, что в статье «Взгляд на русскую словесность в течение 1824 и начале 1825 года», продолжающей эпистолярную полемику зимы 1825 года, Бестужев не только вернулся к любимому сравнению, но и развил его в ключе, противоположном Пушкину и Вольтеру. Со свойственной ему аффектацией он утверждал уже не младенчество, но полное отсутствие литературы в России, объясняя его тем,

...что мы воспитаны иноземцами. Мы воссали с молоком безнародность и удивление только к чужому. Измеряя свои произведения исполинскою мерою чужих гениев, нам свысока видится своя малость еще меньшею, и это чувство, не согретое народною гордостью, вместо того, чтобы возбудить рвение сотворить то, чего у нас нет, старается унизить даже и то, что есть. К довершению несчастья мы выросли на одной французской литературе, вовсе не сходной ни с нравом русского народа, ни с духом русского языка <...> а как источники нашего ума очень мелки для занятий важнейших, мудрено ли, что он (русский ум. — Н.М., Н.О.) кинулся в кумовство и пересуды! <...> Мы, как дети, которые испытывают первую свою силу над игрушками, ломая их и любопытно разглядывая, что внутри³⁹.

Заканчивая свой комментарий, конспективно отметим еще одну характерную особенность разбираемой полемики. Переписка Пушкина с издателями «Полярной звезды» поразительно богата оборотами и образами, которые можно считать дискурсивными приметам Великой французской революции. Это и рылеевское республиканское «ты», легко опознанное и принятое Пушкиным, и бестужевское сравнение русского языка с Алкидом, которое не могло не вызвать ассоциаций с метафорой *народ-Геракл*, весьма популярной в символическом языке революции⁴⁰. В тот же ряд встраиваются инвективы Бестужева против «иноземного воспитания» и «безнародности»: в годы Террора недостаток патриотизма был одним из самых распространенных и тяжелых обвинений, которое вело прямым путем на гильотину. У Пушкина это «республика словесности», которая «казнит и венчает»: социокультурный идеал эпохи Просвещения благодаря историческому намеку — казнь Людовика XVI, венчание Бонапарта — приобретает политические обертоны (напомним также, что в феврале–марте 1825 года Пушкин начинает работать над «Андреем Шенье», где выстраивает оппозицию казнимого поэта и венчанного злодея — Робеспьера⁴¹). Средства, предлагаемые Пушкиным для борьбы с литературной *ересью* («истребить это гонением, кнутом, колыями, песнями на голос *Один сичу во компании* и тому под.» [XIII, 152]), подозрительно напоминают антиякобинский арсенал термидорианской *jeunesse dorée*: хлысты, палки, песни и шиканье в театре. Наконец, и вольтеровские *велхи, кусающие грудь кормилиц*, об-

ретают в этом контексте дополнительные коннотации: термины *варварство*, *вандализм* и *каннибализм* регулярно использовались в монархическом и термидорианском дискурсе для описания Террора⁴².

Стоит ли за этими отсылками разность идеологических позиций, подсвеченных отблеском 14 декабря, или же перед нами не более чем литературная *jeu de raume*, перебрасывание знаковыми словечками, мы предоставим разгадывать адресату нашей статьи — непревзойденному мастеру политических намеков и значимых умолчаний.

примечания

- 1 Здесь и далее цитаты из Пушкина, кроме особо оговоренных случаев, даются по изд.: Пушкин А.С. Полн. собр. соч. 1837–1937: В 17 т. М.; Л., 1937–1959. В скобках указываются номера томов и страниц, соответственно, римскими и арабскими цифрами.
- 2 Виноградов В.В. Стиль Пушкина. М., 1941. С. 388.
- 3 Литературная газета. 1830. Т. 1. № 36. 25 июня. С. 289.
- 4 Демин А.О. Данте // Пушкин: Исследования и материалы. СПб., 2004. Т. XVIII/XIX: Пушкин и мировая литература: Материалы к «Пушкинской энциклопедии». С. 128.
- 5 «Слепая корысть одуряет вас и делает подобными младенцу, который умирает от голода, прогоняя прочь кормилицу» (Paradiso, XXX, 139–141).
- 6 «Восхищается порядками и законами, школами и академиями, и все это кажется ему новым, и часто он бранит свою Италию, которой принадлежит львиная доля всего того, что он нахваливает, и которая выучила тех неблагоприятных, что сегодня кусают груди своей кормилицы» (Pindemonte I. Sermoni. Verona, 1819. P. 116).
- 7 Stsmondi J.-Ch.-L. de. De la littérature du Midi de l'Europe. Paris, 1819. Т. III. P. 75.
- 8 См.: Томашевский Б.В. Пушкин и Лафонтен // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1937. [Вып.] 3. С. 247; Горохова Р.М. Пиндемонте // Пушкин: Исследования и материалы. Т. XVIII/XIX. С. 242–243.
- 9 Судя по записям XIII века (Этьен де Бурбон), отразившимся в мираклях и романах более позднего времени, Роберт «начал с того, что кусал своих кормилиц за грудь, а затем стал убивать всех, кто осмеливался ему возражать, красть девственниц и даже замужних женщин и насиловать их...» (цит. по: Тогоева О.И. «Истинная правда»: Языки средневекового правосудия. М., 2006. С. 214).
- 10 «Il a montré de bonne heure ce qu'il savait faire: il a mordu le sein de sa nourrice; elle en est morte, la pauvre femme; je m'entends, il suffit» (La Bruyère J. Les Caractères: suivis des Caractères de Theophraste. Paris, 1790. Т. 2. P. 125); «Он еще с юных лет показал, на что он способен, укусив в грудь свою кормилицу: бедняжка умерла от укуса. По-моему, этим сказано уже достаточно» (Лабрюйер Ж. Характеры, или Нравы нынешнего века / Пер. Э. Линецкой и Ю. Корнеева. М.; Л., 1964. С. 310). Далее Лабрюйер подчеркивает неблагодарность Вильгельма по отношению к «родителям», которых он «выгнал из дома» (имеется в виду династия Стюартов, лишенная престола в результате «славной революции»). Филиппика против Вильгельма цитируется в «Лицее»: La Harpe J.-F. de. Lycée, ou Cours de littérature ancienne et moderne. Paris, 1821. Vol. 7. P. 485.
- 11 Нрав державного младенца вынуждал держать при нем чатырех (а по другим источникам семь) кормилиц. Ср.: Carré H. L'enfance et la première jeunesse de Louis XIV: 1638–1661. Paris, 1944. P. 11.
- 12 См. письмо отца Мирабо о годовалом сыне, которое настороженно цитирует биограф Людовика XVI: «Je n'ai rien à te dire de mon énorme fils, sinon qu'il bat sa nourrice [Ничего не могу сказать тебе о моем огромном сыне, кроме того, что он бьет свою кормилицу]» (Falloux A.-F.-P. Louis XVI. Paris, 1846. P. 116).
- 13 Ligne Ch.-J., prince de. Œuvres choisies. Genève, 1809. Т. 2. P. 83. Маркиз де Сад, напротив, постулировал такую модель человеческого поведения в качестве естественной (1795): «...la cruauté, bien loin d'être un vice, est le premier sentiment qu'imprime en nous la nature. L'enfant brise son hochet, mord le téton de sa nourrice,

- etrangle son oiseau, bien avant que d'avoir l'âge de raison [жестокость отнюдь не по-рок, а первое чувство, которое вкладывает в нас природа Ребенок разбивает свою игрушку, кусает грудь своей кормилицы, душит свою птичку задолго до того, как войдет в разумный возраст]» (La philosophie dans le boudoir dialogues destinés à l'éducation des jeunes // Sade D -A.-F de Œuvres 1998 Т 3 Р 68)
- 14 *Mably G B, l'Abbe de* Œuvres complètes Paris, 1790 Т 3 Р 168
- 15 Известно, что, воспроизводя этот фрагмент в «Анджело» (1833), Пушкин заменил шекспировский оборот «ребенок бьет кормилицу» на формулу, использованную им восемью годами раньше «Сам ясно видел он, / Что хуже дедушек с дня на день были внуки, / Что грудь кормилицы ребенок уж кусал » (V, 107) Перекличка отмечена, например *Архангельский А Н* Герои Пушкина М , 1999 С 37–38
- 16 Действие 1, сцена 3 « подобны любящим отцам, которые скрутили грозные пучки березовых прутьев для того лишь, чтоб повесить их на виду для устрашения детей, а не для дела, со временем дети все меньше боятся розог и все больше посмеиваются над ними Так и наши законы от бездействия стали недействительными, вольность дергает правосудие за нос, *дитя бьет кормилицу*, и весь порядок идет под откос» Современный Пушкину французский перевод давал ту же формулировку «l'enfant bat sa nourrice» (Œuvres complètes de Shakspeare, traduites de l'anglais par Letourneur / Nouvelle édition, revue et corrigée, par F Guizot et A P, Traducteur de Lord Byron Paris, 1821 Vol VIII Р 173) В авторитетном комментарии Стивенса (впервые — 1773) указывалось, что этот образ был заимствован из гравюры, изображающей «мир навыворот» «This allusion was borrowed from an ancient print, entitled "The world turn'd upside down", where an infant is thus employed» (цит по *Shakespeare W* Plays, with notes by S Johnson and G Steevens Philadelphia, 1805 Vol III Р 333) Однако современные комментаторы сообщают, что, хотя этот распространённый в бабочечной гравюре сюжет часто включает изображение ребенка, который бьет своего отца, вариантов, где он бил бы не отца, а кормилицу, до нас не дошло, см *Shakespeare W* Measure for Measure / Contributor N W Bawcutt Oxford, 1991 Р 103
- 17 *Revolutions de Paris / Publiées par L -M Prudhomme* 2-de année, 4 me trimestre Paris, 1790 Р 624
- 18 <*Baudouin A* > Dictionnaire des gens du monde, à l'usage de la cour et de la ville, par un jeune hermite / Ed 2 Paris, 1818 Р 127 О популярности этой книги в России см *Привалова М И* К стихотворению «Золото и булат» // Временник Пушкинской комиссии 1969 Л , 1971 С 97–101
- 19 Похвальная речь в память моему дедушке, говоренная его другом в присутствии его приятелей за чашею пуншу (1792) // *Крылов И А* Соч В 3 т М , 1945 Т 1 С 339 Возможно, Крылов опирается здесь на Светония «Лучшим доказательством того, что это дочь его плоти, он (Калигула — *Н М , Н О*) считал ее лютый нрав уже тогда она доходила в ярости до того, что ногтями цапала игравшим с нею детям лица и глаза» (Жизнь двенадцати цезарей, IV 25, 4, пер М Л Гаспарова)
- 20 *La Bruyère J* Op cit Р 97, *Лабрюьер Ж* Указ соч С 28 Отдельную параллель смотри также в «Защите поэзии» Ф Сидни (1580)
- 21 Œuvres complètes de Voltaire Paris, 1893 Т 26 Р 70
- 22 *Welches (Velches)* — эквивалент лат *Gallus*, франц *Gaulois*, в наиболее распространенном толковании — кельтские племена, населяющие нынешнюю Францию и Уэльс
- 23 См , например, классический комментарий Бешо (A J Q Veuchot), где сообщается, в частности, что подражания «Речи» появились даже в 1790-х годах Œuvres de Voltaire Paris, 1831 Т XLI Mélanges Т V Р 538 Отсылки к памфлету неоднократно встречаются у самого Вольтера, ср одно из последних его стихотворений «Прощание старика» (1778) «Que Paris est change! les Welches n'y sont plus, / Je n'entends plus siffler ces ténébreux reptiles, / Les Tartuffes affreux, les insolents Zoiles» (A monsieur le Marquis de Villette Les adieux du viellard // Œuvres de Voltaire Paris, 1833 Т XIII Poesies Т II Р 339)
- 24 Русская публика знакомилась с памфлетом Вольтера, как и с большинством других образцов вольтеровской публицистики, по французски По свидетельству С А Порошина, подстрочный перевод «Discours aux Welches» для Екатерины II

- готовил статс-секретарь С.М. Козьмин; см.: *Степанов В.П.* Козьмин С.М. // *Словарь русских писателей XVIII века.* СПб., 1999. Т. 2. С. 102. Ни этот, ни другие переводы «Речи» в русской печати не зафиксированы.
- ²⁵ *Батюшков К.Н.* Соч.: В 3 т. СПб., 1886. Т. 3. С. 117, 650–651. В комментарии Л.Н. Майкова отмечена отсылка к вольтеровскому стихотворению «Прощание старика» (см. примеч. 23).
- ²⁶ *Дашков Д.В.* Перевод двух статей из Лагарпа с примечаниями переводчика // «Арзамас»: В 2 кн. М., 1994. Кн. 2: Из литературного наследия «Арзамаса». С. 12–13; впервые: *Цветник.* 1810. № 11, 12.
- ²⁷ Сразу оговоримся, что мы не склонны искать в пушкинских подражаниях прямое приложение вольтеровской эстетической программы, но говорим о взаимодействии некоторых полемических приемов, ярких метафор и риторических фигур, а также отдельных суждений, которые не могли не импонировать Пушкину своим здравым смыслом и безукоризненным вкусом. Мы также воздержимся от анализа содержательных аспектов полемки Пушкина с издателями «Полярной звезды» в 1825 году: *здесь не время и не место* вдаваться в подробный разбор эстетических позиций сторон, тем более что русским литературным полемикам первой половины 1820-х годов посвящены многие серьезные исследования, один перечень которых по объему сравнится бы с настоящей заметкой. Некоторые программные аспекты диалога Пушкина и Бестужева будут более подробно рассмотрены в статье: *Мазур Н.Н.* Пушкин в образе метромана: полемический смысл одного автопортрета (в печати).
- ²⁸ Давно замечено, что слова Пушкина в защиту Жуковского были сочувственно процитированы П.А. Вяземским в статье «Жуковский. — Пушкин. — О новой питейке басен», напечатанной в № 4 «Московского телеграфа» за 1825 год (вышел 7 марта): «С удовольствием повторяем здесь выражение самого Пушкина об уважении, которое нынешнее поколение поэтов должно иметь к Жуковскому, и о мнении его относительно тех, кои забывают его заслуги: „Дитя не должно кусать груди своей кормилицы“. Эти слова приносят честь Пушкину, как автору и человеку!» (см.: *Вяземский П.А.* Соч.: В 2 т. М., 1982. Т. 2. С. 103). Однако вопрос о том, как эти слова стали известны Вяземскому, остается открытым. Наиболее вероятно, что Пушкин сам повторил шутку в одном из несохранившихся писем к старшему другу и старому «арзамасцу», желая таким образом донести до Жуковского свою ученическую верность и литературную лояльность (покровительство Жуковского в этот момент было особенно важно для ссыльного поэта, искавшего способ вернуться в Петербург или выехать за границу). Так или иначе, пушкинский упрек в неблагодарности вернулся к Бестужеву со страниц конкурирующего журнала: в «аматерах на поприще критики», «любимой темой» которых «с некоторого времени сделалось имя Жуковского» (Там же. С. 101), Бестужев мог не без оснований увидеть и себя — ср. его предшествующее замечание в письме Вяземскому от 12 января 1825 года: «Жуковский на излете, Крылов строчит уже, а не пишет» (*Бестужев-Марлинский А.А.* Соч.: В 2 т. М., 1958. Т. 2. С. 625). Обсуждение статьи Вяземского см., например, в его переписке с Пушкиным (XIII, 183) и А.И. Тургеневым (Остафьевский архив кн. Вяземских. СПб., 1899. Т. III. С. 103, 110–111).
- ²⁹ Ср. в письме Бестужева Пушкину от 9 марта 1825 года: «...я невольно отдаю преимущество тому, что колеблет душу, что ее возвышает, что трогает русское сердце; а мало ли таких предметов — и они ждут тебя!» (XIII, 149).
- ³⁰ Парафраз строки из «Разговора книгопродавца с поэтом», предвзявшего первую главу «Онегина» («Поэт казнит, поэт венчает» [II, 292]; отмечено Л.А. Катанской [XVII, 206]), должен был усилить иронию: мнимая прерогатива властвовать умами, отвергнутая Поэтом («Самолюбивые мечты...!»), за ненадобностью делегируется «республике словесности», правителями которой, по мнению Бестужева, являются критики.
- ³¹ *Œuvres complètes de Voltaire.* Paris, 1876. Т. 26. P. 82.
- ³² Репликой в литературной полемике с издателями «Полярной звезды» этот пассаж назван уже в «Архистах и Пушкине» (1926); см.: *Тынянов Ю.Н.* Пушкин и его современники. М., 1969. С. 105; видимо, не основательно мнение П.О. Морозова и Б.Л. Модзалевского, полагавших, что Пушкин спорит здесь с Кюхельбекером и Полевым о роли «поэтического востор-

- га», см Пушкин Письма М, Л, 1926 Т 1 1815–1825 С 410–411 Статья Кюхельбеке ра в «Мнемозине» вышла слишком рано (июнь 1824 года), а статья Полевого о «Евгении Онегине» в «Московском те леграфе» — слишком поздно (апрель 1825 года), чтобы стать поводом для эпистолярного замечания
- 33 Ср, например, в статье Рылеева «Не сколько мысли о поэзии» (ноябрь 1825 года) « формам поэзии придают вообще слишком много важности» (Рылеев К Ф Полн собр соч М, Л, 1934 С 311)
- 34 Полярная звезда на 1823 год, цит по Полярная звезда, изданная А Бестужевым и К Рылеевым М, Л, 1960 С 26
- 35 «O mes Welches! qu'est ce qu un poème en prose, sinon un aveu de son impuissance? Ignorez-vous qu'il est plus aisé de faire dix tomes de prose passable que dix bons vers dans votre langue, dans cette langue embar rassée d'articles, depourvue d'inversions, pauvre en termes poétiques, stérile en tours hardis, asservie à l'éternelle monotonie de la rime, et manquant pourtant de rimes dans les sujets nobles? [О мои велхи! Что такое поэма в прозе, как не признание в собственной немощи? Разве вы не знаете, что легче создать десять томов сносной прозы, чем десять хороших стихов на вашем языке, на этом языке, который за сорен артиклями, лишен инверсий, беден поэтическими выражениями, бесплоден на дерзкие обороты, скован вечной монотонностью рифмы и одновременно скуден на рифмы для благородных сюжетов?]» (Œuvres complètes de Voltaire Paris, 1893 Т 26 Р 78)
- 36 Полярная звезда на 1824 год, цит по Полярная звезда С 271
- 37 Во «Взгляде на старую и новую словесность в России» критик называл причиной младенчества русской словесности «односторонность, происшедш[ую] от употребления одного французского и переводов с сего языка Обладая неразработанными сокровищами слова, мы, подобно первобытным американцам, меняем золото одного на блестящие заморские безделки» (Полярная звезда на 1823 год, цит по Там же С 26)
- 38 Можно было бы увидеть след такого опознания в цитате из «Ильи Муромца» Карамзина, приведенной Бестужевым в письме к Пушкину от 9 марта 1825 года «Мы не греки и не римляне, и для нас другие сказки надобны» (XII, 149) Однако тесная привязка этой цитаты к рекомендации не писать эпических поэм заставляет воздержаться от соблазнительной гипотезы
- 39 Полярная звезда на 1825 год, цит по Полярная звезда С 488–489 Любопытно, что спустя три года Пушкин в «Письме к издателю „Московского Вестника“» подхватывает проблематику и метафорику старых споров с издателями «Полярной звезды» «Мне казалось, однако, довольно странным, что младенческая наша словесность, ни в каком роде не представляющая никаких образцов, уже успела немногими опытами притупить вкус читающей публики, но, думал я, французская словесность, всем нам с младенчества и так коротко знакомая, вероятно, причиной сего явления» (XI, 66)
- 40 Образу Геракла в символике «левых» посвящена 3 глава монографии Hunt L Politics, Culture and Class in the French Revolution Berkeley, 1984
- 41 Фомичев С А Рабочая тетрадь Пушкина ПД № 835 (из текстологических наблюдений) // Пушкин Исследования и материалы Л, 1983 Т 11 С 62
- 42 Об этом см Бачко Б Как выйти из терра? Термидор и революция М, 2006 С 24–291

и время и место
историко-филологический
сборник
к шестидесятилетию
Александра Львовича
Осповата